

Б-95

Н. Быльев

ДЕЛЬФИНЫ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1938

42 43

ДЕЛЬФИНЫ

Мы с другом прочитали в газете, что в наш город приехал Народный комиссар обороны Климентий Ефремович Ворошилов и будет на рейде осматривать корабли.

Мы даже плохо спали эту ночь. Уж очень хотелось нам увидеть Ворошилова и чем-нибудь перед ним отличиться. Но вот — чем?

Если с вышки в воду прыгнуть, то это многие мальчишки делают... Если бухту переплыть, — он может и не заметить...

Вдруг нам пришла мысль: верхом на дельфинах прокатиться между кораблями.

Такого еще не бывало!

А чтоб дельфины не могли нырнуть и утащить нас под воду, мы придумали, что подвяжем им пробковые пояса.

695521 кред

Российская государственная
детская библиотека

44

59
План, по нашему мнению, был блестящий. Оставалось только поймать пару дельфинов.

Ну, их-то в бухте сколько хочешь бывает!

Раздобыли мы пробковые пояса, связали вместе три гамака, чтоб такой сеткой изловить дельфинов, купили живой рыбы на приманку.

Сели на ялик и выгребли на середину рейда.

Как увидели дельфинов, — стали приманку в воду швырять. Стали дельфины возле ялика кувыркаться. Приятель взял гамаки, нацелился на дельфина да как размахнется...

Да только зацепил меня за пуговицу. Я не удержался и упал на борт ялика. И приятель с гамаками за мной...

Ялик опрокинулся. Мы оба — бултых в воду. И вся наша приманка поплыла.

Тут дельфины подплыли совсем близко.

Прямо между нами шныряют. Мы со страху даже орать стали.

Вдруг летит мимо военный катер, да с полного хода как развернется к нам и застопорил у самого ялика.

Вытащили нас на катер.

Смотрим: на корме сам Ворошилов стоит. Смеется и спрашивает:

— Что ж вы, моряки, вверх килем плаваете? Мы смутились, даже глаз поднять не можем. Вот тебе и отличились.

ГЛУПАЯ ШУТКА

Мне и моим товарищам было по восьми лет. Только Сашке было одиннадцать.

Все мы росли у моря и купались почти всегда все вместе.

Любили мы плавать и смотреть, что делается под нами на морском дне. Опустить лицо в воду и, пока можешь не дышать, смотришь вниз. Морская вода — голубая, прозрачная, каждый камешек виден.

По подводным скалам медленно ползают крабы. Бычки весело гоняются друг за другом.

На песке играют маленькие рачки-креветки.

Прозрачная медуза висит в воде, как воздушный шар в воздухе.

Иногда промелькнет быстрый морской конек.

А густая морская трава стоит неподвижно, как сказочный лес. Даже жутко станет!

А то затеем любимую игру — в стрелика. Это — пятнашки вплавь. Кто ловит, тот и стрелик.

В разгаре игры Сашка любил подшутить. Подплывет незаметно, навалится и станет топить. Пока разок-другой воды не хлебнешь, — а морская вода горькая! — до тех пор не выпустит.

Вот раз я удираю от стрелика. Вдруг кто-то сзади схватил меня за голову и утащил под воду. Но я успел набрать воздуха.

„Ну,—думаю,—это Сашкины штуки! Сейчас тебя проучу!“ Схватил его сам и нырнул еще глубже. Посмотрим, кто дольше выдержит, кто первый воды напьется!

Стал он отчаянно отбиваться, а я не пускаю. Бьет меня по голове, а я терплю. Держу еще крепче.

И вдруг он как-то ослаб, перестал отбиваться. Глянул я ему в лицо, а это совсем чужой, незнакомый мальчик. Глаза выкачены. Рот раскрыт. Из рта пузыри идут...

Я его утопил...

Обхватил я его и что есть силы загреб вверх, вынырнул на поверхность. Сам захлебываюсь. В глазах — слезы, не вижу ничего!

Хочу крикнуть: „Помогите!“ В горле только бурлит!

А тяжелый мальчик меня опять вниз тянет.

К счастью, увидели нас ребята, подросли, мигом вытащили на берег.

Мальчик уж совсем не дышит. У меня со страху подкосились ноги. Упал я рядом на песок и весь трясусь.

Поднялась суматоха. Сбежались взрослые. Стали делать мальчику искусственное дыхание.

Только через час он очнулся.

Оказывается, он плохо плавал, стал тонуть и ухватился за меня.

Мальчика увезли. А меня все обступили, стали хвалить наперебой:

— Айда молодец, — говорят. — Старше себя мальчика спас! Настоящий герой!

Никто ведь не знал, как было на самом деле.

Мне стало стыдно...

— Я не спасал! Я его топил, когда он ухватился за меня! — крикнул я и вдруг заплакался. — Но ведь я вправду подумал, что это Сашка!..

И все ребята дали друг другу честное ленинское — никогда больше не повторять этой глупой шутки.

ЛОШАДЬ

Мой отец работал на севере. Однажды весною взял он меня с собой на пароходе в море.

Пробирается наш пароход между льдинами.

Вдруг замечаем: чернеет что-то на льду.

Посмотрели в бинокль и видим, что это лошадь.

Наверное, ее на льдине в море унесло.

Нам стало жаль лошади, и мы решили ее спасти.

Стал наш пароход осторожно подходить к этой льдине, чтоб не разломать ее. Лед трещит. Ветер раздувает у лошади хвост и гриву, а она расставила ноги и стоит как вкопанная. Только глазами косит, а шевельнуться боится.

Наконец сбросили мы сходни.

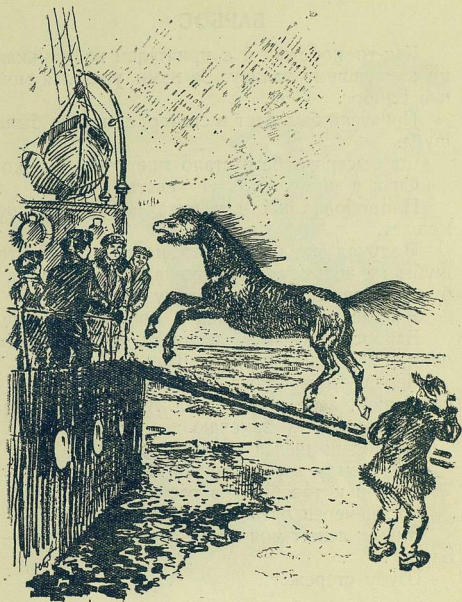
Лишь только матросы сбежали на лед, как вдруг лошадь сорвалась с места и сама навстречу матросам по сходням галопом прискакала на пароход и давай тыкаться мордой и лизать всех, кто тут был.

Кому руку лизнет, кому спину или плечо.

Мы отмахиваемся от нее: „Да ну тебя!“ А сами смеемся.

А я не успел увернуться, так лошадь даже два раза меня лизнула и оба раза в лицо.

Вот как была рада лошадь.

БАРБОС

Как-то побежал я с приятелем на коньках по замерзшему заливу. За нами увязался мой пес Барбос.

Приятель был одет в свитер, а на мне была шуба.

От быстрого бега стало мне очень жарко. Снял я шубу. Куда ее девать?

Попробовал нести в руках — еще больше мешает.

Подумал я: здесь никто не ходит. Никто шубы не возьмет. Оставлю-ка ее здесь. Когда будем возвращаться, я возьму ее.

Я бросил шубу на лед и побежал дальше.

Барбос постоял возле шубы, потом догнал меня и вернулся опять к шубе.

Через минуту снова прибежал. Прыгает передо мной, лает, зовет назад. А я бегу дальше, как будто его не замечаю.

Барбос помчался назад и отстал.

Прибежали мы на другой берег залива.

Пошли к товарищу в гости.

Часов через пять возвращаемся назад.

Видим: лежит моя шуба, а рядом на льду — Барбос.

Шубу стережет.

КУРИЦА

У моего приятеля был большой пес, породистый, но глупый. Он любил гонять кур.

А на дворе у нас жила маленькая пестрая курочка.

Когда приятель приходил ко мне, курочка с отчаянным кудахтаньем металась по двору, спасаясь от его пса.

Пса строго наказывали, — ничего не помогало!

Но вот курочка вывела цыплят. Очень хорошеньких: семь желтеньких, двух черненьких, а одного коричневого.

Однажды заходит ко мне приятель, как всегда, со своим псом.

Не успели мы оглянуться, — вдруг слышим со двора страшное кудахтанье и лай.

— Пес цыплет передушит!— вскрикнул я, и мы бросились во двор.

А навстречу нам с визгом несется пес. Нос у него расклеван в кровь! Курица, растопылив крылья, летит за ним и клюет его в задние ноги, в хвост...

Мы расхохотались: бежали спасать курицу, а пришлось спасать пса.

Ай да курочка!

Храброй стала, когда пришлось защищать цыплят!

МУРКА

Была у меня кошка Мурка—серенькая шкурка. Очень она меня любила.

По утрам собираюсь я в школу, а она вскочит ко мне на плечо и мурлычет на ухо: „Хороший, хор-роший...“

Я знал, что это по дружбе. И ничуть не зазнавался.

Однажды я сильно захворал. Целый месяц был в больнице. Потом меня привезли домой и еще в постель уложили. Мурке разок меня показали и больше в комнату ее не пускали, чтоб на постель грязи со двора не занесла.

Она караулила под дверьми, но ее отталкивали и перед носом захлопывали дверь.

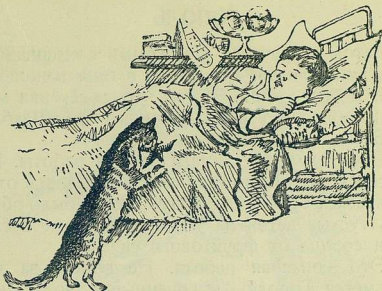
И вот слышу раз: кто-то лезет со двора в форточку. Смотрю—Мурка. И в зубах несет мышку. Подошла, положила мышку ко мне на одеяло, а сама мурлычет, точно угощает:

„Попр-равляйся поскор-рей... Я тебя покор-рмлю...“

— Что ты, Мурка! Я не ем мышей,—засмеялся я.—Убери эту гадость!

Мурка взяла мышку и убежала.

Но через полчаса вижу: лезет Мурка снова и тащит большую крысу. Я даже руками замахал и закричал нарочно сердитым голосом:

— Уходи отсюда! Убирайся со своей крысой!

Мурка посмотрела, посмотрела на меня, осторожно повернулась и спрыгнула назад во двор. А я задремал...

Вдруг что-то влажное ткнулось мне в щеку. Открываю глаза и вижу: лежит на подушке птичка. А Мурка сидит рядом на одеяле, смотрит на меня, как будто говорит: „Ты не захотел мышку, ты не захотел крысу—я поймала тебе птичку. Уж вкуснее этого не бывает!“

Я расхохотался, погладил Мурку, а птичку спрятал в коробочку из-под лекарства.

ТОПОЛЬ

Летом встречался я в Крыму с испанскими ребятами. Сидели мы как-то в тени тополей у моря и беседовали. И вот что рассказал мне один пионер про своего старшего брата Пабло.

Было тогда Пабло лет десять.

Отец их долго оставался без работы. Им совсем нечего было есть. Весной удалось отцу наняться к богачу-садоводу. Нужно было обрезать густые ветви на тополях, которые заслоняли солнце от фруктового сада.

Это — опасная работа. Не всякий за нее возьмется. Тополя — высоченные. Стволы у них прямые, толстые — не обхватишь. А сучья — длинные, тонкие, по всему стволу вверх растут.

И забираться нужно на самую верхушку, оттуда и начинать: над головой ветки срубить, а за нижние держаться и так постепенно спускаться. А когда ветки будут обрублены, то уж по гладкому стволу не полезешь.

Тополя росли в ряд вдоль забора. Целую неделю работал отец Пабло, да вдруг рассек топором руку. Остался необрубленным только один крайний тополь.

А богач-хозяин денег не отдает. Сперва, говорит, закончи всю работу.

Тогда Пабло сказал отцу:

6017

695521

Российская государственная
детская библиотека

— Я за тебя кончу работу.

Взял топор и залез на тополь. С такой высоты отец на земле казался ему совсем маленьким. Дома—точно игрушечные. А коровы в поле—не больше мышей. Ветром сильно раскачивало верхушку тополя. Пабло прижался к стволу и стал срубить сучья.

Вдруг тяжелый топор выскользнул у него из рук. Хотел Пабло поймать его на лету, да сорвался и полетел вниз головой...

Отец закричал и в ужасе закрыл глаза.

Пабло летел вниз сквозь ветви, которые с треском ломались под ним. Он не растерялся: загреб наудачу руками и прижал попавшиеся сучья к груди—и так задержался.

Но тонкие сучья не выдержали его тяжести, перегнулись и обломились. Пабло сорвался опять. Прямо лицом больно наткнулся он на ветку пониже, но тотчас обхватил ее.

Длинная ветка далеко отклонилась от ствола. Пабло держался за самый конец. Он повис высоко в воздухе. Отец, бледный как скатерть, в ужасе смотрел на него.

— Не бойся, папа!—крикнул Пабло.

А ветка все больше перегибалась в дугу и стала уж трещать.

Пабло стал осторожно раскачиваться, как на качелях, и вдруг ловко уцепился ногами за

ствол, выпустил свою ветку и схватился за толстый сук.

— Теперь уж не страшно!—веселым голосом воскликнул он и спустился на землю за топором. Отец никак не хотел пускать его второй раз. А Пабло поцеловал отца и тотчас снова залез на тополь. И обрубил все ветки.

— А где же теперь Пабло?—спросил я мальчика.

— Теперь он летчик. На фронте сражается с фашистами, и про него говорят, что он ничего не боится.

ОРЕЛ

Это было во время гражданской войны.

Красный партизан Михо нашел в горах орленка с перебитым крылом. Подобрал его Михо, вылечил и выкормил. Вырос орленок в огромного орла-беркута. Михо назвал его „Раши“, что значит стремительный.

Беркуты—это самые сильные из

орлов. Они не боятся вступать в бой даже с волками.

Раши часто охотился на крупных козлят-джайранов и возвращался с добычей на свист своего хозяина.

Товарищи Михо, красные партизаны, не раз угощались свежей дичью.

Все любили Раши. А он любил своего Михо.

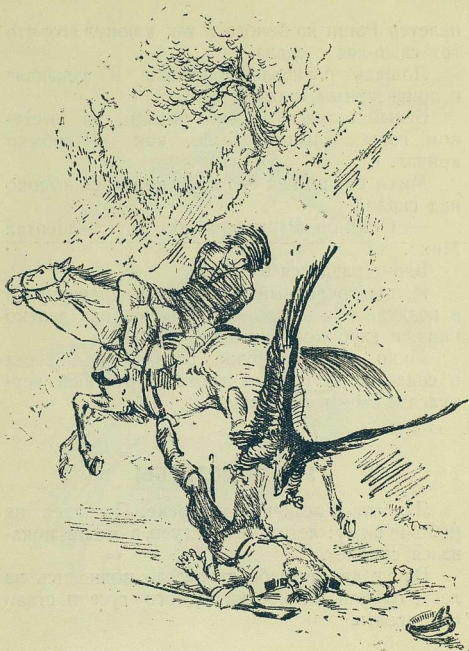
Иногда кто-нибудь в шутку повалит Михо на землю. А Михо свистнет на помощь орла. И Раши налетал на обидчика, да так, что тому поневоле приходилось выпустить Михо.

Однажды ушел Михо в разведку. В узком ущелье он неожиданно столкнулся с конным отрядом белогвардейцев. Враги ранили его и схватили. Один белый привязал Михо к седлу перед собой и поскакал по дороге в штаб. Офицеры в штабе допросят партизана, где скрывается отряд. Но ничего не скажет белякам Михо. И еще не было случая, чтобы белогвардейцы оставили живым пленного красного партизана.

— Прощайте, товарищи, и вы, родные горы, прощай, солнышко, — шептал Михо.

А белый гнал лошадь, торопился.

Вдруг знакомая тень бесшумно мелькнула над головой. Михо тихо свистнул. Как молния,

налетел Раши на белого и так клюнул его, что тот свалился с седла.

Лошадь рванулась, понесла и ускакала с привязанным к седлу Михо.

Белый остался далеко позади, за выступом горы. Слышно было, как он громко кричал.

Михо видел, как его орел поднялся высоко над скалой.

— Спасибо, Раши, спасибо, друг, — шептал Михо.

Вдруг раздался выстрел.

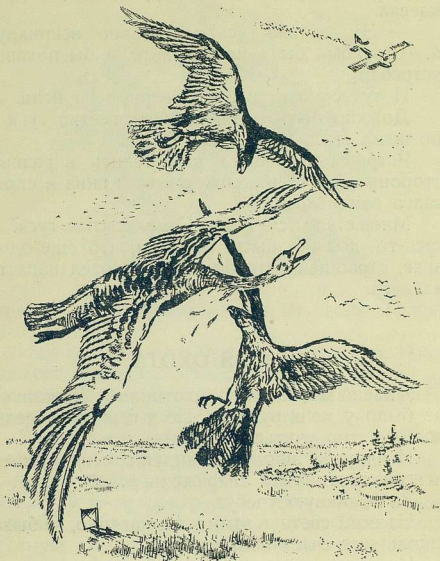
И, подстреленный белым, орел перевернулся в воздухе и с жалобным криком упал далеко вниз, в глубокое ущелье.

Михо выпутал руки, развязался, пересел в седло и по горным тропам грустный вернулся к своим товарищам.

ГУСЬ И ЯСТРЕБЫ

Я плыл в лодочке по реке. Поглядел на небо и вижу: летят на юг гуси, а вдали показался самолет.

Вдруг два ястреба стремглав поднялись из леса, отбили от косяка одного гуся и стали его терзать.

Один снизу налетел, а другой сверху гуся клевал.

— Эх, пропал гусь! — невольно вскрикнул я. — Вот был бы я на самолете, я бы показал ястребам!

И тут самолет вдруг повернул на птиц.

Должно быть, летчик тоже заметил гуся и пожалел его.

Ястребы мгновенно разлетелись в разные стороны. А гусь в страхе ринулся вниз и спрятался в камышах.

Мне стало смешно. Самолет спас гуся. А гусь-то, должно быть, подумал, что еще один враг, страшней ястребов, тоже хотел напасть на него.

ПЕРВАЯ ОХОТА

Я давно мечтал стать охотником. Да только не было у меня ружья... Но я каждую неделю ходил в тир учиться стрелять.

И вдруг в школе премируют меня ружьем и всем охотничьим снаряжением.

За отличную учебу.

На всем свете в этот день, наверно, не было школьника счастливее меня.

И вот, дождавшись осени, когда разрешают

стрелять дичь, отправился я на свою первую охоту.

Иду по лесу. Сшибаю ногой поганки. И от каждого шороха у меня сердце: тук, тук, тук... Все я жду, что вот выскочит на меня заяц или гетерка. И держу ружье наготове.

Вдруг слышу: издали утка крикает. Подкрался я поближе и вижу—озерцо. А за кустами, у самого берега, плавают утки—штук пять. Сердце у меня замерло. Я прицелился и выстрелил... Гляжу—что такое? Дробь попала в самую стаю, водяные брызги взлетели вверх, а утки даже не всполошились.

Но кусты вдруг как зашевелиятся.

Выскочили оттуда двое дяденек. С ружьями. И давай на меня кричать:

— Ах ты такой-сякой! Ах ты горе-охотник! Ведь ты, пустая голова, по манкам стрелял... Это — деревянные утки. Мы их для приманки пустили, а сами в кустах сидим и крякаем. Ведь ты чуть в нас не попал! Убирайся скорее, пока мы тебе не задали!

Вскинул я свое ружье и со стыдом убежал прочь.

БЛЕСНА

Кто из ребят хоть раз видел Кирова, никогда этого не забудет.

А у меня с ним были даже две удивительные встречи.

Как-то удил я пескарей в Парке культуры и отдыха на островах. Целый день удил и обедать не ходил. Заругают дома — ну, да ладно.

Зато пескарей поймал целых двадцать пять штук. Плавали они у меня в ведерке, все ребята видели.

Вдруг кто-то сказал:

— Киров идет!

Гляжу: пионеры идут толпой, а в середине несколько мужчин. Один—впереди. Небольшого роста, в гимнастерке, в светлой фуражке. Глаза у него такие добрые, веселые. Разговаривает с ребятами и всё улыбается.

Это и есть Киров, Сергей Миронович...

Загляделся я на него и забыл совсем про своих пескарей.

А он посмотрел на меня да как крикнет вдруг:

— Рыболов! Гляди—удочку упустил!

Я обернулся—удочка-то моя поплыла.

Бросился я за ней, да как-то ведро ногой задел.

Ведро —набок, пескари мои шлепнулись в реку, хвостиками вильнули, только я их и видел...

Ребята кругом как засмеются. А мне обидно. Ведь целых двадцать пять пескарей было. Выходит, весь день зря проудил.

Я едва слезы сдерживаю — стыдно заплакать при Кирове...

А он улыбается.

— Ну что, — говорит, — всех своих щук растерял... Как тебя зовут?

— Петька!

— Подожди-ка, Петя. Мы это дело, кажется, сейчас поправим.

Порылся он в карманах и протягивает мне блесну — блестящую жестяную рыбку с тремя крючками.

— Вот тебе пескаря — щук ловить. Привяжешь на длинный шнур ипустишь с лодки. Щука подумает, что это живая рыбка, схватит и попадет на крючки.

Зажал я подарок в руке.

От радости хочется мне крикнуть, — голос у меня всегда во какой: на том берегу слышно! — а тут, точно это не я; бормочу чуть внятно:

— Спасибо, Сергей Миронович...

Киров улыбнулся и пошел с ребятами дальше. И я хотел за ними, да у меня удочка запуталась. Пока я ее распутал и ребят догнал, Киров уж уехал.

Вот вскоре после этого поехал я к дедушке погостить. А дедушка мой — егерь. Сторож такой в лесу, куда охотники ездят на охоту. Он сколько раз Кирова на охоте видал. Да

только дедушка мой — чудака. Все молчит, не любит рассказывать.

Там есть большое озеро.

Подарок Сергея Мироновича я, конечно, захватил с собой.

И только приехал, сейчас же отправился в челноке по озеру — с блесной. Она была привязана на зеленый рыболовный шнур.

Ездил, ездил — ничего не поймал. Только устал. Где-то поблизости то и дело стреляли охотники. Должно быть, они всю рыбу распугали. Досадно было. Повернул я к берегу.

Вот стал уж приставать, вдруг мой шнур задергался. Я потянул за шнур, а на другом конце сильно заплескало. Я обрадовался: „Видно, большая рыба попалась“.

Выскочил я на берег. Тяну и приговариваю: „Вылазь-ка, голубушка, на сушу“.

А рыба как рванет, — я и скатился в воду.

— Ах, чтоб у тебя хвост откис, — говорю, — врешь, все равно не уйдешь!

А рыба еще как потянет, — шнур чуть и совсем из руки не выскользнул. Я едва за самый конец удержал, даже ладошке горячо стало.

Смотрю: ладошка в крови. Это шнуром прорезало. Больно мне, слезы брызнули, но я зажал шнур в руке еще крепче и вокруг пальцев обернул.

Блесна-то — подарок Кирова, ни за что ее не выпущу.

Хотел я вылезти, а дно под ногами илистое. Я и поскользнулся.

И окунулся с головой.

Вскочил на ноги — глубина мне уж по грудь.

А рыбина тянет ну прямо что лошадь. Я чуть не реву. Придется мне шнур отпустить. Пропала заветная блесна... А не отпущу шнур, утянет меня рыбина за собой...

Но тут вдруг кусты за мной зашелестели, кто-то с плеском ступил в воду, сгреб меня и мигом выволок на берег.

— Ай да рыбак, — говорит. — Никак тебя щука поймала!

Обернулся я, а это Киров.

Ружье за плечом, охотничьи сапоги до пояса, а в сумке на боку — утки.

Я как закричу:

— Сергей Миронович!

И обхватил его руку.

А он удивляется:

— Да как ты, малыш, меня узнал?

— Сергей Миронович! Так ведь я же — Петька! Помните, в Парке культуры пескарей удил? Ведь это на блесну, что вы дали, я рыбу поймал!

— Да где же твоя рыба?

Я протянул руку, и меня даже в жар бросило: нету шнура в руке. Видно, от радости, что увидел Сергея Мироновича, я про шнур-то позабыл и выпустил его! Я растерялся.

— Плохо дело, — засмеялся Киров. — Ушла твоя рыба. Ну, ничего, шнур я перехватил. Вот он!

Стали мы осторожно тащить — ну и щуку вытащили!

Если бы не Сергей Миронович, ушла бы она от меня.

Прошу я его:

— Сергей Миронович, возьмите щуку себе.

— Что ты! Мне такую большую не съесть!

Так и не взял.

Потрепал меня по щеке и ушел. А я на эту блесну больше никогда не удил, — чтоб не потерять.

Ведь это у меня память от Сергея Мироновича!

СОДЕРЖАНИЕ

Дельфины	1
Глупая шутка	4
Лошадь	8
Барбос	10
Курица	12
Мурка	14
Тополь	16
Орел	19
Гусь и ястребы	22
Первая охота	24
Блесна	26

100 =
70 коп.

Рисунки и обложка автора

Б—95

Для старшего дошкольного возраста

Редактор Н. Дилакторская. Художн. редактор Н. Полозов. Техн. редактор Н. Сусленникова. Корректор С. Цивина. Книга слана в набор 2/VI-1938 г. Подписана к печати 21/IX-1938 г. Д—5. Лендетиздат № 57. Тираж 50,000 экз. Лениблагорлит № 3923. Заказ № 309. Бумага 70 × 92¹/₁₆. Печ. листов 2. Бум. лист. 1. Уч.-авт. листов 2. Авт. лист. 1,31 (39424 тип. знаков в 1 бум. листе.) 2-я типогр. ОГИЗ РСФСР треста "Полиграфкинг". Печатный Двор им. А. М. Горького, Ленинград. Гатчинская ул., 26. Обложка отпечатана в литографии ЛОССХ, ул. Герцена, 38.